

В темноте Лян Сычжэ резко снял наушники и раздражённо сел. Песни, полные страсти, раздавались внизу уже почти час, и не было никаких признаков того, что скоро станет тише. Звукоизоляция в комнате была ужасной. Даже наушники не спасали — казалось, что музыка проникает не только через уши, а просачивается со всех сторон, впиваясь в кости, не оставляя шансов спрятаться.

Когда же это закончится? Неужели они будут петь до рассвета?! Не выдержав, он отшвырнул наушники, оделся, сел на кровать, надел обувь, открыл дверь и вышел из номера. Проходя по коридору мимо ряда тёмных деревянных дверей, он в очередной раз задался вопросом: а действительно ли здесь живут люди? Если да, то как им удаётся выносить шум снизу?

Лавочки в переулке закрылись на ночь. Вечерняя суета, казалось, растворилась без следа, как отступающий отлив. У выхода Лян Сычжэ смерили оценивающим взглядом несколько курящих подвыпивших людей. Мерцающий свет второго этажа отбрасывал блики на дорогу ниже, смешиваясь с густыми разводами масла на асфальте. Лян Сычжэ, сам не заметив как, снова оказался у того бара. Похоже, здесь тоже уже закрывались: музыка внутри уже стихла. Кто-то вышел, держа в одной руке большой мешок с мусором, а в другой — потрёпанную деревянную гитару. Проходя мимо Лян Сычжэ, человек увидел, что тот остановился на обочине дороги и смотрит в сторону бара, и лениво сказал:

— Мы закрыты. Приходите завтра.

Он говорил с каким-то особым пекинским акцентом, хриплым голосом. Лян Сычжэ с юных лет изучал музыку и был очень чувствителен к звукам. Он сразу определил, что это, должно быть, певец, исполнявший пару часов назад «Кусок красной ткани». Человек открыл крышку мусорного бака и бросил пакет с мусором на кучу других таких же пакетов. Затем он положил потёртую деревянную гитару рядом с баком и с пустыми руками пошёл обратно. Увидев, что Лян Сычжэ всё ещё не ушёл, он снова взглянул на него. На этот раз он решил спросить:

— Эй, что ты тут забыл?

Лян Сычжэ ответил вопросом на вопрос:

— Ты выбрасываешь эту гитару?

— Да.

— Тогда можно я заберу её?

— Забирай, если хочешь, — равнодушно пожал плечами человек, — но она слишком старая, чтобы на ней играть. И струны порваны.

— Ничего, — Лян Сычжэ взял гитару и осмотрел её корпус в слабом свете. Мужчина был прав: гитара была очень старой. Лак на корпусе облупился так, что невозможно было различить его первоначальный цвет. Одна из струн безжизненно болталась в воздухе.

Мужчина подошёл к Лян Сычжэ и остановился рядом:

— Ты умеешь играть? Или хочешь научиться?

Лян Сычжэ ответил очень неопределённо:

— Я хочу попробовать.

— О. Кажется, я не видел тебя здесь раньше? Ты здесь впервые?

Лян Сычжэ молча кивнул.

— Неудивительно... А зачем ты здесь?

Лян Сычжэ не вписывался в этот переулок. Если его каким-то образом и можно было связать с этим местом, то лишь с помощью этого бара. Ответ Лян Сычжэ стал для него полной неожиданностью.

— Я здесь по работе, — он кивком указал на кричащие огни «Лазурной вечеринки». — Вон там.

Мужчина на мгновение остолбенел, потом, с сомнением улыбнулся:

— Да ладно... Шутишь?

— Я серьёзно, — Лян Сычжэ говорил очень естественно и было сложно понять, врёт он или нет.

— Ладно... Как скажешь, — мужчина всё-таки не воспринял его слова всерьёз. — Давай я помогу тебе найти кого-нибудь, кто починит эту гитару, а то она и правда в таком состоянии ни на что не годится. Сегодня её нашли за кулисами, не знаю, сколько она там пролежала.

Взяв гитару из рук Лян Сычжэ, он небрежно коснулся струн. Звуки были похожи на звуки старого скрипучего магнитофона, у которого вот-вот сядут батарейки. Немного подумав, Лян Сычжэ заинтересовался:

— Вас это не затруднит?

— Эх, какие тут могут быть сложности? Мой друг профессионально ремонтирует гитары, ему это не составит труда. Принесу её тебе через несколько дней, когда починят. Дашь мне свой телефон?

Лян Сычжэ продиктовал мужчине свой номер, и тот набрал его. Поскольку звонка не последовало, Лян Сычжэ объяснил:

— Я не взял с собой телефон. Он выключен.

Пару часов назад, едва он задремал, измученный музыкой снизу, звонок Линь Яня разбудил его. С таким трудом завоёванный сон исчез без следа, уступив место раздражению: шутить над ним — неужели они с Цао Е настолько хорошо знакомы?

— Понял, — мужчина положил телефон в карман. — Хорошо. Я свяжусь с тобой позже.

Около двух часов ночи Лян Сычжэ медленно шёл обратно по соседней улице, засунув руки в карманы, возвращаясь на улицу Иньсы. Магазины вдоль улицы давно погасили огни, улицу освещали только редкие ночные фонари. Темнота и ночной ветер вливали в его сердце безмятежность, вытесняя раздражение.

Когда он снова вышел на улицу Иньсы, неоновые огни «Лазурной вечеринки» всё ещё мерцали, но крики, доносящиеся изнутри, звучали утомлённо, как голоса призраков. Сходства добавляло состояние здания, в котором располагалась «Лазурная вечеринка». Не дойдя до входа нескольких метров, Лян Сычжэ поднял голову, чтобы лучше его рассмотреть. Оно явно нуждалось в ремонте. Это была старая пятиэтажка, спроектированная без учёта норм безопасности: этажи слишком близко друг от друга. Бетонные подоконники казались массивными и тяжёлыми. По углу фасада карабкалась вверх белая и грубая на вид водосточная труба. Похоже, её установили совсем не так давно — запоздалая попытка исправить неудачную конструкцию крыши, на которой в дождь всегда скапливалась вода.

С края бетонного подоконника, держась за трубу на стене, довольно просто подняться на следующий этаж. Разглядывая невысокое пятиэтажное здание, Лян Сычжэ всё больше укреплялся в этой мысли. Крыша ровная, звук снизу туда не дойдёт — кажется, он нашёл тихое место.

На следующий день Лян Сычжэ проспал до девяти утра. Приведя себя в порядок, он посмотрел из окна вниз: в ларьках готовили завтрак, и запах жареного наполнил воздух узкого переулка.

Лян Сычжэ спустился вниз. Шумящая и сверкавшая огнями несколько часов назад, сейчас

«Лазурная вечеринка» была тихой, как нежилое помещение. Даже воздух был затхлым. Дневная и ночная «Лазурная вечеринка» словно существовали в разных мирах. Ночью «Лазурная вечеринка» была похожа на куртизанку, которая изо всех сил старается скрыть недостатки внешности яркими нарядами и макияжем. Днём же она казалась скромной красавицей из знатной разорившейся семьи — она так долго жила в трущобах, что уже не видела смысла прихорашиваться.

Занавес на двери первого этажа был плотно задёрнут, внутри всё было так же, как вчера днём: горела лишь одна тусклая жёлтая лампа на потолке. Официант, прибиравшийся после ночной смены, удивлённо взглянул на человека, спускающегося с верхнего этажа, но, узнав в нём вчерашнего новичка, снова продолжил уборку. На входной двери висела тяжёлая цепь. Лян Сычжэ попросил официанта открыть ему и вышел, выбрав наугад прилавок, который ещё не закрылся. Он взял корзинку сяолунбао [1], миску тыквенной похлебки, а затем спросил у владельца ларька, на каком автобусе можно добраться до киноакадемии. Затем он расплатился и отправился в путь.

[1] 小笼包 (xiǎolóngbāo) баоцзы (пельмени на пару) на тонком тесте с бульоном внутри.

Очень известны и популярны в мире китайских пельменей. Родина этого замечательного угощения — город Шанхай. Это круглые пельмени в виде мешочка с хвостиком, внутри которых мясная начинка с бульоном. Именно бульон внутри причина такой популярности сяолунбао. Такие пельмени готовят в бамбуковой пароварке, и прямо в ней подают на стол. Самая популярная смесь для обмакивания — соевый соус с чёрным рисовым уксусом. В Китае существует огромное количество заведений, которые специализируются на приготовлении именно этих пельменей.

Каждое новое начало должно выглядеть как-то по-новому. Он ничего не знал о кино — максимум смотрел несколько старых фильмов по CCTV-6 [2] и пару раз в год ходил в кино с друзьями. Всё остальное время он посвящал игре на скрипке. Даже если бы у него был не один мозг, а восемь, он и тогда не додумался бы до того, чтобы попробовать себя в кино. Однако так было только до вчерашнего дня.

[2] CCTV-6 — центральный канал телевидения Китая, посвященный кино (China Central Television).

В киноакадемии приближался выпускной сезон. Студенты, которые до сих пор не определились со сценарием для съёмок, созерцали собственное туманное будущее. Устроившись в тени деревьев, они уныло перекидывались в карты, выложив на продажу

учебники, накопленные за последние четыре года. Увидев привлекательного юношу, наблюдавшего за их «бизнесом», одна из старшекурсниц оживилась, убрала скуку с лица, встала и энергично заговорила с Лян Сычжэ:

— Откуда ты? Ты ведь не из Пекинской киноакадемии? Я тебя раньше не видела. А может, ты из Центральной академии драмы?

Когда Лян Сычжэ покачал головой, она сказала:

— Значит, ты из тех, кто собирается к нам поступать? — не дожидаясь ответа, она присела и собрала несколько книг в стопку. — Вот эта, эта и эта — их обычно рекомендуют наши профессора.

Сидящий напротив старшекурсник позвал его:

— Эй, младший, иди лучше сюда. Бесплезно читать так много книг — нужно смотреть больше фильмов!

Эта поездка оказалась для Лян Сычжэ очень продуктивной. Он возвращался на автобусе в «Лазурную вечеринку» с кипой книг и DVD-дисков. Гору знаний венчал DVD-плеер, который старшекурсник продал ему по дешёвке. «Лазурная вечеринка» всё также пребывала в дневном анабиозе — островок затхлой тишины в говорливом кривом ручейке лавочек тесного переулка. У Лян Сычжэ руки были заняты, поэтому он бедром толкнул стеклянную дверь и, пятясь, вошёл внутрь. В комнате, он начал возиться с DVD-плеером — подключил его к телевизору на стене, взял первый диск из стопки и вставил его в проигрыватель. На экране появилась заставка с драконом, и начался чёрно-белый фильм «Римские каникулы». Лян Сычжэ присел на край кровати и только погрузился в просмотр, как в дверь постучали. Открыв дверь, он увидел доставщика, не старше его самого, с бумажным пакетом в руках. Парень спросил на ломанном путунхуа [3]:

— Цао Е здесь?

[3] Современный официальный язык КНР, фонетической нормой которого является пекинский диалект (относится к северным диалектам). Грамматическая норма соответствует нормам, закреплённым в литературных произведениях на современном письменном китайском языке байхуа. Поскольку территория Китая очень обширна, население многочисленно, а диалекты разнообразны, в целях укрепления политического, экономического и культурного единства в 1956 г. Госсовет КНР обнародовал для всего Китая директиву «О распространении путунхуа». В 1982 г. распространение путунхуа было закреплено в Конституции. Таким образом, путунхуа является стандартом современного китайского языка, выступает основой языкового единства китайской (ханьской) нации на современном этапе, представляет собой основное направление развития современного китайского языка.

— Нет.

— А Лян Сычжэ?

— Это я.

— О. Это еда для вас, ребята, — юноша указал вниз на ступеньки, — кто-то только что заказал её вам. Говоря это, он с любопытством осматривал номер, который заметно отличался от других. Лян Сычжэ поблагодарил его и закрыл дверь прямо перед его любопытным носом.

Чжэн Инь всё продумал: беспокоясь, что Цао Е не привычен к местной еде, он заказал блюда домашней кухни, которые каждый день готовили за десять километров отсюда и доставляли дважды в день, каждый раз — две порции, причём блюда никогда не повторялись. Он просто не ожидал, что Цао Е не будет здесь жить. Лян Сычжэ пользовался едой безо всякого зазрения совести. Он съедал одну порцию, вторую не брал — выбрасывать еду было слишком жалко. Кормить такой едой было слишком расточительно. Поэтому каждый раз вторую порцию он отдавал доставщику. Этот робкий молодой парень был примерно его возраста. Он всегда благодарил и кланялся Лян Сычжэ, принимая у него еду.

Лян Сычжэ быстро привык к новому месту, синхронизировав свой биологический ритм с ритмом «Лазурной вечеринки». Утром он читал учебники, после полуденного сна смотрел фильм, а после ужина бегал на свежем воздухе, делая пару кругов по окрестным дорожкам — его жизнь здесь сложилась гораздо организованнее, чем в Яньчэне. В один из дней, ближе к вечеру, он, как обычно, посмотрев фильм и совершив вечернюю пробежку, уже заходил в «Лазурную вечеринку», когда кто-то позади окликнул его:

— Эй!

У крыльца стоял тот самый певец из бара на углу и, щурясь, смотрел на витрину «Лазурной вечеринки». Затем его взгляд вернулся к Лян Сычжэ:

— Ты правда здесь живёшь?

Лян Сычжэ улыбнулся:

— Да.

— Вот. Гитару починили, — мужчина показал деревянную гитару: — Все струны заменили и настроили, я попробовал — звучит неплохо.

Лян Сычжэ спустился по ступенькам, взял гитару, осмотрел её и спросил:

— Хорошо, спасибо. Сколько с меня?

— Нисколько. Это подарок, — человек поднял подбородок в его сторону. — Не хочешь попробовать?

Лян Сычжэ не хотел сейчас играть, поэтому покачал головой:

— Нет. Я не очень хороший музыкант, не буду позориться.

— Ну ладно, — легко согласился мужчина. Он снова поднял голову, осматривая верхние этажи «Лазурной вечеринки». — На третьем этаже — гостиница? Сколько стоит ночь?

— Не знаю, — сказал Лян Сычжэ.

— Разве ты не живёшь здесь? — человек поднял брови, глядя на него.

— Я работаю здесь, — улыбнулся Лян Сычжэ, это выглядело весьма убедительно, — питание и проживание включены.

Человек осмотрел его с головы до ног:

— Необычно. Запиши мой номер. Если захочешь поменять работу — свяжись со мной.

— Хорошо, — сказал Лян Сычжэ, доставая из кармана телефон.

— Сегодня не выключен? — улыбнулся певец, глядя на его телефон.

— Нет, — ответил Лян Сычжэ.

На самом деле он не выключал телефон уже несколько дней. Тот вечер, когда позвонил Цао Е был исключением: обычно ему никто не звонил, поэтому не имело значения, выключен телефон или нет. Как только он открыл адресную книгу, на экране первым высветилось имя Цао Е. Его фамилия упростила задачу [4].

[4] Цао 曹 (cáo) тут речь про пиньинь, иероглифы набираются с его помощью. Латинская «С» близка к началу алфавита.

— Какой номер? — спросил Лян Сычжэ. Подняв голову, он увидел, что к «Лазурной вечеринке» подъехал такси, дверца тут же распахнулась, из салона выскочил молодой человек и взбежал по ступенькам. Ноги у него были длинные — он прыгал через три ступеньки. Водитель, опустив стекло, заорал ему вслед:

— Деньги! За проезд не заплатил!

Цао Е закончил подниматься по ступенькам, когда до него донёлся рёв водителя. Он резко остановился, неуклюже развернулся и быстрыми прыжками направился обратно вниз. Пошарив в карманах, он понял, что забыл деньги. Увидев Лян Сычжэ, он заблестел глазами — его взгляд просветлел, словно он увидел спасение.

— Эй, брат. У тебя есть деньги?

— Да, — Лян Сычжэ, не ожидая просьб, заплатил водителю. В последние дни благодаря Цао Е он ел так много и вкусно, даже делился едой с курьером, что сейчас охотно помог с деньгами.

— Спасибо, потом отдам, — сказал Цао Е и, схватив Лян Сычжэ за руку, потащил его наверх.

— Быстрее, мой отец скоро приедет!

Лян Сычжэ был озадачен этой спешкой: почему из-за приезда отца надо срочно бежать наверх? Он едва помахал певцу из бара, прежде чем Цао Е увлёк его за собой.

Автору есть что сказать: теперь, когда сяо Цао захватили обратно, сцен с его участием станет больше.

<http://bllate.org/book/12811/1130221>